

Воспоминания о малой Родине и встречах с нею.

Утром одного из зимних дней 1998 года “Волга” Черлакского отдела народного образования уносила меня и моих коллег все дальше от подернутого смогом города. Все ехали на учительский семинар историков, я еще и на Родину.

Родина моя, Черлак.

В прошлом казачья станица Черлаковская, образована в 1720 году как составная часть казачьих станиц, форпостами протянувшихся от Омской до Усть-Каменогорской крепостей, прикрывая водный торговый путь и места мирных кочевий от натиска агрессивных джунгар. Так, тихо, без особых передраг протекло почти два столетия. Жить пытались мирно, торговали... Капитал не сколачивали, но хозяйство содержали. Сибирский казак, он в отличие от своих донских собратьев за зипунами не бегал. Сибирский казак труженик, а потом уж воин.

С конца XIX века служба в рядах сибирского казачьего войска продолжалась 20 лет. Каждое первое января, восемнадцатилетние станичники зачислялись на службу. Обмундирование, боевой конь, снаряжение покупали за свой счет. Обязанность накладная, не всем под силу. Впрочем, службу справляли как положено, даже во вред хозяйству.

Выучка, сложившаяся десятилетиями, зарекомендовала себя в войнах. Земляки мои подавляли, что уж тут поделаешь, народные выступления в Китае 1900-1901 года, воевали в Русско-Японской. В годы Первой Мировой зарекомендовали себя как наиболее боеспособные части.

Не минула Черлак революция. Красный флаг над станичным правлением водрузил потомственный казак Афанасий Егорович Мельников. Станичник среднего достатка, участник империалистической... Летом 1918 года, после отказа сотрудничать с представителями временного Сибирского правительства, Афанасий Егорович был зверски замучен. И заплясала круговерть братоубийственной бойни.

Период этот, как впрочем и другие, отражен в экспозиции местного краеведческого музея, открытого в 1987 году. Со дня основания и по теперешний день работает в нем замечательный человек, в прошлом воспитатель детского сада, а теперь краевед с большой буквы - Валентина Николаевна Щукина. Вот уже тринадцать лет отдала она работе в музее. Хотя нет - это музей стал частью ее жизни, частью ее дома. Времена нынче тяжелые особенно для культуры, а Черлакский музей не просто стоит, а работает... работает так, что речь идет не больше не меньше как о расширении и переезде в новые, более просторные помещения.

Черлак моего детства - это Черлак 70-х: строящаяся из стекла и бетона спортивная школа, хоккейные баталии, на сооруженном для этих целей стадионе, "плывущий" в колонне ноябрьской демонстрации "Крейсер "Аврора", кинотеатр "Родина" и елочная мишура из универмага к новому году...

Мороженное, пусть простенькое, но за 13 копеек, не привозили тогда из-за бугра, а производили прямо в поселке для реализации в двух киосках и уже выше упомянутом кинотеатре. Где-то на загадочной окраине пищевой комбинат изготавливал несколько сортов печенья и пряников, плиточный ирис, зефир и газировку. Ну а школьная экскурсия была полна детского восторга - все это можно было взять бесплатно и съесть сколько сможешь не выходя за ворота.

Как-то повелось у нас писать истории к юбилею. Последний такой на моей памяти - 275 лет. Книжку так никто и не написал. Быть может в этом есть своя логика. Создание подобного труда, пусть посвященного и одному району не может быть делом одного человека. Нужно понимание этой необходимости большей частью граждан. Это не просто слова. В 50-е годы жил в Черлаке большой патриот своего села Борис Иванович Маслацов.

Воевал, растил детей, писал историю родной Черлаковской. Написал, как мог. И кто знает, может быть учились бы мы все по его книжке любить и гордиться своей малой Родиной, да не угодил где-то сильным мира сего... Пусть не совершенна, но с

большой любовью и трепетным отношением к родным местам написанная, лежит эта рукопись в Черлакском музее.

Горько вспоминать, но в не столь давнем 1986 году, мне тогда молодому учителю истории, взявшемуся помогать в создании музея чиновники уверенно рекомендовали, - “Маслацова не использовать”. Впрочем, высокопоставленное местное начальство и сейчас работает в том же здании. Оно постарело, прошло через огонь перестройки и демонтажа, слушало выступление представителя президента господина, а в прошлом товарища Минжуренко, и как всегда работает на благо... Вот только на чьё?. Быть или не быть “истории” моего Черлака решать черлакам. Не решат они - решение примут, но не в пользу их детей.

“Иртыш”.

Леонид Мартынов увидел его населенным гружеными арбузами и товарами плотами, проплывающими в знойном мареве мимо казачьих станиц Ачаир, Черлаковской, Атмаса... Берега Иртыша знакомы мне с детства.

Родители мои - речники, избороздили воды сибирской реки от Семипалатинска до Ханты-Мансийска. С борта парохода увидел я впервые Павлодар и Качиры, светящийся огнями, как большой океанский корабль, ночной Омск. И похожий на деревню раньше, а ныне становящийся сибирским Эльдorado Ханты-Мансийск.

Особо впечатляла посадка гидросамолета на огромный простор, сливающихся в одно целое Иртыша и Оби.

Река чем-то походила на загадочное божество, взимающее с людей, посягнувших на ее покой свои жертвы. Года не проходило, чтобы человек, ступивший с берега на борт не находил свой приют в ее водах. Так ушли отцы моих друзей детства - Адольфа Вальдера и Сергея Седых.

Осенью 1972 года река едва не забрала моего отца. Подскользнувшись на обледеневшей палубе он слетел в ледяную октябрьскую воду... продержавшись на поверхности некоторое время, с трудом избавившись от намокшей фуфайки, чувствуя как тяжелые сапоги-бродни тянут леденеющее тело вниз, он мысленно простился с семьей

и... Очнулся на палубе машинного отделения проходящего мимо буксира. В руках был намертво сжатый канат. В этот раз обошлось.

Никогда уже не забуду раздавленное тело своего сверстника-практиканта из речного училища. Случайно, во время загрузки состава он скользнул в нарушение всех правил между бортом баржи и толкачем. И надо же было именно в этот момент капитану, сносимого течением РТ - 6... “работнуть” вперед...

Земляки мои с этим как-то свыклись. Сегодня помнится другое.

Открытие навигации. Свежевыкрашенные, блестящие стеклом иллюминаторов и надраенной медью оснастки, величественные пароходы, весело бьющие плицами колес по воде. И дым из трубы. Идущие им на смену “ОТэшники” и РТ, изумление оснасткой и отделкой кают, построенных в народной Венгрии двести тысячисильных толкачей. Плавно скользящий среди ледяных торосов ледокол “Капитан Чудинов”. Майские праздники с обилием огня на реке, пальбой из ракетниц и еще не ушедшими в рейсы, а потому пьяненькими речниками.

Незабываема осень, со встречами и подарками. Изобилие кедрового ореха, ягод, стерляди, муксуна и иной рыбешки попроще и будущая новогодняя красавица пихта...

В годы перестройки, когда я уже учительствовал в средней школе Черлака, Черлакская РЭБ флота насчитывала 31 судно подвижного состава. Несколько буксиров, шестисотсильные “РТ”, спроектированные специально для работы в верховьях Иртыша дизельные колёсники БТК, самоходки немецкого производства. И ходили каждую весну в рейс, и работы хватало всем... Мои вчерашние одноклассники стали штурманами, механиками, капитанами; обзавелись семьями.

В рабочей слободке речников - Затоне выстроили себе дома Адольф Вальдер и Руслан Ниязов. После учебы вернулся домой, став архитектором, Алексей Гладков...

Затон

Зимой 1971 года умер мой дед по материнской линии Филипп Николаевич Макаров. Бабушка Арина, не мыкаясь в одиночестве, перебралась в город к одной из дочерей. Отец, продав дом, что и сейчас стоит по улице Школьной за номером 2”а”

переехал в слободку речников, решив поставить новое жилье на месте дедовской избы. Объяснение переезда звучали более чем прозаично. Родителям, работающим в ремонтно-эксплуатационной базе флота ходить на работу было ближе. Работа действительно была рядом.

Где-то в последние годы войны на левом берегу - напротив Черлака начали разворачивать производство. В 1947 у самой воды выросли два склада, расположилась площадка для леса, а в близлежащей протоке прозванной “Затоном” появились первые деревянные баржи, финские, бог весть какого времени тоже деревянные композитки и несколько видавших виды колесных пароходов. Своего жилья основная масса речников тогда не имела. Лето проводили в рейсах. Зимой снимали углы у местного населения. Кое-кто рыл землянки.

В 50-е слободка речников отстроилась. Из разобранных брусовых барж были построены двух и четырех квартирные дома, шестнадцатиквартирный “барак”, огромный, даже по нынешним меркам клуб с библиотекой, магазин, столовая, пекарня, начальная школа. Вдоль судовых стоянок протянулись ремонтные корпуса. Все это так и называли “Затоном”. До сих пор почтовым адресом слободки значится “Черлак-Затон”. Без улиц и номеров домов. Все здесь знают всех.

Места в окрестностях слободки речников удивительно красивы, как сошедшие с голландской пасторали - бриллиантовые заливные луга и синие блики озер. Правда красоты эти мне довелось открыть позднее, когда родители мои сошли на берег, а отец перешел работать из транзитного в рейдовый флот...

В 1984 году в озерах Затонской поймы обильно водилась рыба, а я будучи начинающим учителем запросто нарвал для своей молодой жены огромный букет редких для европейской части белых лилий, которые потом долго плавали в бочке с дождевой водой во дворе родительского дома.

Правда в эти же годы программа гидроорошения принесла свои первые плоды. Исчезли романтические, делающие Затон похожим на Венецию, наводнения. Теперь

уже пацаны не могли плавать на лодках между высокоподнятыми от грунта домами, а озера... озера стали попросту мелеть среди внезапно повядших лугов...

Огромное озеро, пристанище дикой и домашней птицы, расположенное прямо посреди Затона руководство РЭБ флота сгубило само. Сгубило беззлобно, напрасно, глупо и навсегда. Прямо в озеро была брошена труба работающего в протоке землесоса.... Зачем? Готовили площадку для строительства? Качали месяц... потом трубу убрали. А на месте некогда прекрасном теперь толи озеро, толи болото...

Ох уж эта начальственная дурь. Нет не коммунистическая, какая-то особая, ныне даже чаще встречающаяся.

Где-то году в 1976 отец пришел с работы не только усталый, но и страшно злой. Тогда 50-тью километрами выше, у поселка Иртыш, Черлакский речной порт добывал песок на продажу строительным организациям. Места рыбные. Под вечер к крану подчалил катерок. Его пассажиры - представительные мужчины и веселые, красивые женщины попросили речников, не больше не меньше как "убраться восвояси".

На эти издержки социалистического бытия любят кивать сегодня все кому не попадя, а между тем они сама невинность в сравнении с поведением нынешних "хозяев" Земли Русской.

А между тем, несмотря ни на что, портрет моего отца висел в клубе на доске почета, в Затоне его уважали. Чуть раньше, к 100- летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина наградили почетной грамотой Обкома КПСС, предложили вступить в партию и стать инспектором несамоходного флота. Ничего этого не произошло, отец мой от предложенной работы наотрез отказался. Почти до конца своей жизни он проработал рулевым-мотористом на РБТ -310, в 1977 году заболел, а через два года умер.

Сейчас Затон переживает не лучшие времена.

Стоит без работы флот, стоит и ржавеет. Года два назад пришло распоряжение колесные БТК порезать на металлолом, ибо налог на производственные фонды переставшие приносить предприятию прибыль, вконец разорил пароходство. Жалко

смотреть как кромсает газовый резак корпуса судов способных еще не один год служить человеку. А ведь еще пятнадцать лет назад подвижного состава на реке не хватало, а довоенные и послевоенные пароходы отработали на реке по 40 лет. БТК умирают в детском (для парохода) десятилетнем возрасте. Кто еще на очереди...

Так и стоит тупо глядя не застекленными глазами окон недостроенная школа, заложенная в годы перестройки, закрыт клуб. Библиотеку сожгли, нет не потому, что демократия пала и к власти пришли фашисты. Просто на ее содержание не было денег. Вот и рассудил один из местных руководителей: “В Черлак за водкой бегают, и за книгами, если приспичит, сбегают.” Как отрезал. Вот только что? Добротные, благоустроенные, построенные для рабочих и плавсостава трехкомнатные коттеджи на две половины, с многочисленными пристройками стоят теперь гроши.

Флот стоит, работы в Затоне нет, еще год-два и слободка будет населена только пенсионерами. А через пять, десять, лет?...

Уехал на этническую Родину Адольф Вальдер, где-то в поисках счастья мыкается по области, а может по стране Лешка Гладков. Школьный товарищ Руслан Ниязов работает в Сургуте, а живет в Затоне. Все больше с каждым годом неузнаваемых пьяных лиц. Осенью какой-то человек отпилил боковые стволы громадной, старой ивы, выгнившей остов которой мы еще в детстве использовали в качестве прибежища во время дождя. С топливом в слободке всегда было неплохо. Что же произошло с тобой Человек?

Где твой дом человек?

Сидя в методическом кабинете РОНО я слушал специально подготовленную к нашему приезду справку о Черлакском районе: “Территория 4,3 тысяч квадратных километров, численность населения 38,4 тысячи человек, в том числе 51,5% к общей численности - трудоспособный возраст, 19,9% к общей численности населения старше трудоспособного возраста /отмечается рост по сравнению с 1970 на 6,6%/; 28,6% к общей численности населения моложе трудоспособного возраста /отмечается снижение на 10,6% по сравнению с 1970 годом/.

За 1997 год в Омск выехало 558 человек, в Германию - 182... С 1985 по 1996 год рождаемость упала на 55%...

В результате проводимой аграрной реформы в сельском хозяйстве района продолжается формирование частного уклада жизни. На 1 января 1998 года в районе зарегистрировано 705 крестьянских хозяйств... Валовой сбор зерна составил 83,6 тысяч тонн /84% к уровню 1996 года/... За год перевезено на 10% меньше грузов, грузооборот автомобильного транспорта общего пользования составил 3092 тысячи километров, что меньше уровня прошлого года на 62,6%. Уровень молодежной безработицы 29,3%; женской - 65%”.

В далеком 1968 году, когда танки стран Варшавского Договора вошли в Прагу и Братиславу, когда интеллигентов из московских кухонь потянуло к акту гражданской совести на Красную площадь. Черлак содрогнулся. В Затоне пролилась кровь... Не первый год кочующий мимо богатый цыганский табор остановился в полукилометре от слободки на живописном берегу реки Иртыш. Звенела шумная цыганская свадьба. В самый ее разгар, обиженный соискатель руки невесты дуплетным выстрелом прервал жизнь молодого цыганского барона. И тут же был зарезан собственным отцом, желающим любой ценой сохранить мир в таборе.

Счастливого жениха положили на Черлакском кладбище, укрыв прочно сваренным железным надгробием. Табор ушел, чтобы не появиться больше уже никогда. С тех пор чья-то заботливая рука, толи по доброте сердечной, толи долга ради долгих тридцать лет подкрашивает металл над последним прибежищем так и оставшегося навсегда молодым жениха...

Путь его народа неизвестен. Проходя мимо печальной ограды Вы без труда прочтете не пустую браваду, а полную философского смысла фразу: “Граждане, не топчите мой прах. Я дома, а Вы в гостях”.